

данами, создала бы более благоприятные условия и для распространения национальной идентичности.

Несомненно то, что сохранение национальной идентичности и культурного наследия напрямую большей частью зависит от активного меньшинства общества и усилий инертного большинства, и их равновесия. Однако в наше время реалии таковы, что нельзя полагаться лишь на поддержание равновесия самопроизвольных сил традиций общества. Гарантом сохранения народа, его культурных ценностей, преемственности все больше становится политическое государство со своим бюрократическим аппаратом. Значит, без сомнения возрастает и его ответственность за сохранение и взращивание национальной идентичности и самоутверждения, а так же национальных культурных ценностей.

С другой стороны, вызовы бросаемые глобализацией, - это реальность, с которой приходится считаться, и с каждым разом их все больше. Они, как новые знаки на дороге: возможно не все для нас приемлемы, но чтобы благополучно достичь цели, нельзя их не замечать, а тем более, не обращать внимания. Ведь за безопасную езду в пути в первую очередь ответственны мы сами.

Literature

1. Axford B., 2001. *The Global System: Economics, politics and culture*, Cambridge : Polity Press.
2. Hostede G., 2001. *Culture's Consequences*, London : Sage.
3. Hook S., 1997. *Human values and economic policy*. New York: McGraw-Hill.
4. Barro R.J., 2001. *Economics Growth*, New York: McGraw-Hill.
5. Masusyma S., Vandenbrink D. and Yue Chia Siow (eds.), 1997. *Industrial Policies in East Asia*, Tokyo: Nomura Research Institute.
6. Rao C.(ed), 1998. *Globalization, Privatization and Free Market Economy*, Westport: Quorum Books.
7. Paacock A. and Idle R. (eds), 2003. *Cultural Economics and Cultural Politics*, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
8. Griffin K. , 2003. *Studies in Globalization and Economic Transitions*, London: Macmillan.
9. Held D., 2004. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

Л.Г.Титаренко

Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь

В настоящее время в постсоветском белорусском обществе наблюдается смена доминирующих типов групповой идентичности и механизмов идентификации, позволяющая говорить о ее трансформации [см.5].

Идентичность изучается разными науками, что обуславливает необходимость как проведения ее комплексных исследований, так и разработки классификаций, которые будут приняты в этих науках, согласование их методики измерения. Прежде всего, разные авторы анализируют такие типы идентичности, как этническая и религиозная, а также профессиональная, в последние годы сюда прибавились гендерная и возрастная идентичности. Однако общего понимания процесса конструирования и трансформации ценностей, единого категориального аппарата пока не разработано.

В статье мы попытаемся проанализировать смену доминирующих прежде идентичностей белорусов с акцентом на гендерном аспекте этого процесса. Сначала мы покажем направление трансформации социальной и национальной идентичности белорусского населения в сравнении с предшествующей (советской) эпохой, затем дадим определения главным рабочим понятиям, и, наконец, раскроем гендерную специфику трансформации белорусской идентичности.

В отношении направления трансформации идентичности по сравнению с советским временем мнения окончательно не сложились, хотя смена доминирующих паттернов, их множественность уже признаны. По-видимому, процесс трансформации базовых ценностей населения, включая идентичности, еще далек от своего завершения, поэтому возможны значительные изменения в их проявлениях, особенно при тех или иных «поворотах» в реальной политике, заранее предсказать которые в современном обществе риска невозможно. Нами была выдвинута гипотеза, что сегодня среди белорусов преобладают не универсалистские, а аффективные типы идентичности (семья, друзья, соседи) [12, 88]. Подобный сдвиг закономерен. Немецкий социолог Ф. Теннис в анализе различий между общностью и обществом хорошо показал, в чем притягательность межличностных отношений, доминирующих в общности (например, деревенской общине), для простого человека [10, 216]. В этом смысле, по мере развития цивилизации, человеческие отношения в малой группе не становятся менее важными, напротив, жители большого города их ценят даже выше, чем жители деревни или городского поселка. Белорусы как нация, еще недавно жившая преимущественно в сельской местности, не утратили своих связей с землей, с почвой. Многие горожане имеют домик в деревне, дачный участок, так или иначе сохраняют связь с «малой родиной», поддерживают близкие отношения с земляками, родственниками, соблюдают традиционные обряды. Все это, вместе взятое, подпитывает «общинные» типы связей, укрепляет их в противовес динамично меняющимся типам связей на уровне большой группы. В условиях трансформации общества был естественным акцент на малой группе и ее ценностях, ибо малая группа оказалась более прочной, оказывала больше помощи индивиду в поддержании и обретении социального равновесия, психологического благополучия. Таким образом, идентичность в малых группах оказалась чрезвычайно важной и прочной. Видимо, этот тип идентичности даже повышает свою значимость по мере роста урбанизированности территориального пространства, роста отчужденности и потерянности («одиночества в толпе»). Об этом в свое время писали еще Р. Парк и другие представители Чикагской школы, изучавшие феномены городской жизни, городской культуры.

Можно предположить, что в ближайшем будущем эти виды связей и аффективных, партикуляристских идентичностей, сохраняют свою важность и для белорусов.

Для более глубокого понимания процессов трансформации белорусской идентичности важно раскрыть их исторический генезис. Многие современные типы идентичностей являются сконструированными, хотя и не представляются таковыми на уровне массового сознания. Одна из парадоксальных черт приверженности людей (групп, народов) тем или иным ценностям, (а идентичности тесно связаны с ценностями) состоит в том, что люди обычно воспринимают их не как собственное создание, а как данность, которая имеет самодовлеющую силу, покоряет и подчиняет людей себе. Только научный анализ позволяет увидеть, что ценности являются конструктами сознания, т.е. продуктом человеческой практики. Участники таких процессов, напротив, обычно считают ценности данными, существующими в мире независимо от их собственной деятельности.

Этот факт подтверждает невозможность логически непротиворечивого, чисто рационального объяснения наших высших ценностей или их трансформации. Как показал Йоас, если мы называем что-то высшей ценностью, то непонятно, на чем должно базироваться ее рациональное объяснение, ибо не может быть феномена, который одновременно будет «более высоким» и в то же время сохранит свою оценочную природу [3]. Отказ же от высших ценностей опасен тенденцией приглашения к ницшеанской вседозволенности и разрушению социального порядка. Прагматистское отношение к ценностной сфере может привести к историческому или культурному релятивизму, к тому, что называют «произволом постмодерна». Социология, связывая существование и оправдание ценностей специфическим образом, помогает людям осознать, что их восприятие ценностей базируется на человеческом опыте и его интерпретации. Поэтому ценности всегда историчны, «привязаны» к той или иной эпохе, стране. Они больше не выступают как преданные и вечные, они проявляют свою необходимую природу.

Такое проникновение в генезис современных ценностей должно помочь осознать, каковы те культурные силы, которые вызывают сегодня их трансформацию, и как может новый опыт вдохнуть «новую жизнь» в «старые» ценности и даже вернуть к жизни старые традиции в том случае, когда их наличие помогает людям (группе, народу) адаптироваться к новым социальным ситуациям. Среди таких «возрожденных» ценностей могут оказаться и определенные типы идентичностей. В противном случае, наш анализ покажет, какие новые типы ценностных отношений между людьми, складывающиеся в современном белорусском обществе, может решить указанные проблемы поддержания социального порядка символическими средствами. Таким образом, наше исследование изменения ценностей и идентичностей не является попыткой дать инновациям в этой области рациональное оправдание или просто реконструировать этот процесс. Нам бы хотелось показать его перманентность и незавершенность, амбивалентный характер, заключив его в рамки посттрадиционного социального контекста.

Теперь определим основные понятия нашего исследования трансформации типов идентичностей. Мы будем понимать под **социальной идентичностью** те формы группового и массового определения, которые имеют под собой объективные основания (сходный образ жизни, сходное положение группы в социальной структуре по социальному статусу, доходу, доступу к власти, полу и возрасту). В какой-то мере понятие социальной идентичности соотносимо с социально-классовыми и социально-профессиональными характеристиками групп, хотя и не сводится к ним. Это такой феномен, который тоже претерпел многие изменения: одни типы уступили главенствующее место другим, а третьи просто исчезли из поля рассмотрения. Можно представить социальную идентичность в виде пирамиды, в которой множество частных идентичностей образуют некую иерархию, наверху которой находятся самые важные типы, а внизу – те, которые менее значимы. В процессе социатальной трансформации общества эта иерархия неизбежно изменяется, что и отражается как в переоценке тех или иных типов идентичности, так и представлений об их значимости. Однако практически все частные типы социальной идентичности конструируются, приобретаются в процессе социализации.

Национальная идентичность понимается здесь, в узком смысле, как реальная групповая принадлежность к определенной стране, как самоотождествление себя с населяющим страну народом, самоосознание себя как гражданина этой страны, а

также как принадлежность к определенной этнической группе (группам), населяющей страну. Такое понимание национальной идентичности объединяет как старые, примордиальные определения этого термина, так и вносит экстраконструктивистские элементы. В результате национальная белорусская идентичность будет естественно включать осознание себя гражданином Беларуси, интериоризацию традиционных исторических ценностей народа, веками жившего на территории современной Беларуси, а в этническом плане будет включать представителей и титульной нации (белорусов), и всех «малых групп», живущих сегодня или ранее проживавших на территории нынешней Беларуси. В широком смысле, национальная идентичность может включать все те особенности, которыми наделяется народ при характеристике его национальной культуры, национального менталитета, традиций и т.п. Иначе говоря, в широком понимании, национальная идентичность включает в себя и социально-культурные типы идентичности (религиозную, лингвистическую, политическую, и т.п.).

Культура является определяющей составляющей в жизни любой нации, и особенно важно осознание и анализ своей культурной идентичности для нации не со стабильными на протяжении веков культурными ориентирами, нации, которая находится в поиске важнейших жизненных ориентиров, имея при этом несколько вариантов будущего развития. Именно это и происходит сейчас, на наш взгляд, с белорусской нацией.

Социокультурная идентичность характеризует совокупность ценностей, идей и взглядов, принятых в малой или большой группе населения, вытекающих из мировоззренческих представлений членов этой группы, понимания группой своего места и целей жизни, осознания себя в истории, а также соответствующие этим ценностям поступки, поведение в целом. Современная социокультурная идентичность белорусов представляет собой непростой предмет исследования, поскольку, с одной стороны, она определяется рядом факторов, общих для любого процесса коллективной идентификации независимо от времени, а с другой – чертами, специфическими для современной культурной ситуации как в Беларуси, так и в мире.

Социокультурная идентичность формируется в процессе социализации, культурации социальной общности, в ходе осознания группой (народом) себя в качестве определенного субъекта деятельности и в ходе самой деятельности. Социокультурная идентичность – это не только то, что народ о себе думает и говорит, во что он верит или верует, это еще и то, как он живет, работает, самореализуется в той или иной деятельности, как оценивает другие народы, как соотносит себя с ними, какова его историческая память [см. 1; 13].

Наблюдается большое разнообразие и плюрализм типов социокультурной идентичности как населения в целом, так и отдельных половозрастных групп. Современная белорусская социокультурная идентичность многослойна, она совмещает конструкты как прошлой эпохи, так и инновационность; в ней четко выделяются локальные типы идентичности, связанные с традиционными ценностями (семья, друзья, люди одного образа жизни), региональные («тутэйшыя», или жители моего села, города, этой местности). Отождествление со своим городом, селом, непосредственным местом жительства, т.е. с «тутэйшымі», является относительно популярным типом социальной идентификации всех половозрастных групп белорусского населения. Этот тип идентификации не совпадает с этническим и национальным: не только этнические белорусы, но и белорусские граждане иного этнического происхождения относят себя к этому типу, который превалировал среди жителей Беларуси и в историческом (досоветском) прошлом.

Имеет место и наднациональная идентичность (европейцы, жители мира), но она пока незначительна, что существенно отличает жителей Беларуси и граждан тех постсоциалистических стран Центральной Европы, которые стали или скоро станут членами Европейского Союза.

Сегодня у белорусов нет объединяющих всю нацию социально-культурных предпочтений, нет и общих универсалистских ценностей, определяющих всех граждан Беларуси как единую монолитную "мы" - группу. Выражаясь в терминах Хабермаса, можно признать «незавершенность» проекта модернизировать в условиях культурного наступления постмодерна. В сравнении с прежним (советским) этапом развития, когда единым доминирующим типом был советский, сегодня единого типа идентичности с универсалистским содержанием еще не сложилось. Практически нет ни одной группы с четко выраженной доминирующей идентичностью одного типа. Общественному сознанию белорусов оказалось недостаточно времени для формирования нового доминирующего универсалистского типа идентичности, даже несмотря на сложившиеся в обществе благоприятные объективные условия (достижение стабилизации в социально-политической жизни Беларуси, преодоление постсоветского социально-экономического кризиса).

Вероятно, новый универсалистский тип идентичности, взамен утраченной советской идентичности, должен быть сформирован, ибо в нем есть потребность у национального белорусского государства. На эту роль может претендовать тип гражданской идентичности («мы – граждане Беларуси»), который в настоящее время, по опросным данным, признается доминирующим только одной третью населения Беларуси [4].

Теперь сфокусируем внимание на специфическом типе идентичности, каковым является гендерная идентичность. Она не является врожденной, хотя, несомненно, базируется на врожденных половых различиях людей, их заданной биологической программе [11]. Исследователи неоднократно отмечали, что разные исторические эпохи, культуры, цивилизации конструировали гендер и гендерную идентичность по-разному [2; 7; 8]. Можно согласиться с точкой зрения М.Губогло, который предложил понимание процесса формирования и функционирования гендерной идентичности как «триединую стратегию: во-первых, как постоянно пополняемый глэдэзь представлений о гендере, состоящих в свою очередь из гендерного самосознания и гендерного сознания, во-вторых, набор разнообразных форм поведения, реализуемых при исполнении социальных и гендерных ролей, и, наконец, в-третьих, обладание багажом гендерных установок и предрассудков» [1, 96].

Гендерное сознание можно рассматривать как совокупность представлений о противоположном поле и взаимоотношениях полов на основе исторически сложившихся в данном обществе традиций и норм, а также принятых в нем законов, наделяющих женщин и мужчин определенными правами и обязанностями. Гендерное самосознание включает в себя претензии, ожидания, представления каждого пола о себе и другом поле, понимание гендерных ролей в данном обществе и установки на принятие или непринятие этих ролей, желание или нежелание включаться в социальную жизнь в соответствии с имеющими место в обществе неписаными гендерными «правилами игры» [11]. Гендерное поведение соответствует реальному «проигрыванию» принятых на себя каждым полом совокупности гендерных ролей. На него большое влияние могут оказывать конкретные социальные ситуации, а также традиции и нормы того или иного общества. Естественно, все эти три компонента находятся в постоянном изме-

нении, и чем больше общество подвержено глобальным политическим и культурным воздействиям, тем скорее в нем изменяются гендерные роли, гендерное сознание и самосознание.

Представляется возможным использовать данное определение для описания тех или иных гендерных различий, эмпирическим путем установленных в исследованиях идентичности белорусского населения. Сразу отметим, что самостоятельных «чисто гендерных» различий в этих вопросах было выявлено немного, поскольку более важными переменными в социокультурных вопросах выступают возраст и образование. Более того, эти три переменные «работают» только в комбинации, так что можно говорить о гендерной специфике в проявлении социокультурной идентичности белорусов с определенной долей условности.

Тем не менее, на основе анализа эмпирических данных, можно выделить несколько особенностей в проявлении социокультурной идентичности белорусского населения по гендерному признаку. Прежде всего, это уже упоминавшаяся религиозная идентичность (вернее, степень ее проявления среди мужчин и женщин). Среди тех, кто исповедует религию, в значительной мере преобладают женщины, особенно старших возрастных групп: количественно, женщины на 15-20% превышают число мужчин [6]. Непредвзятому наблюдателю сразу бросается в глаза факт, что большинство людей, посещающих храмы, – женщины. Да и сами женщины значительно чаще мужчин считают себя людьми религиозными. Имеющиеся гендерные различия в проявлении религиозности белорусов весьма характерны для всего постсоветского пространства и отражают современные тенденции в гендерных отношениях к социальным институтам.

Таблица 1.

Дает ли церковь ответы на проблемы в различных сферах жизни,
(% ответивших «да»)

Сферы действия	мужчины	женщины	в целом
Моральные проблемы	34.7	49.9	43.1
Духовные потребности	49.0	61.5	55.9
Семейная жизнь	22.5	32.7	28.1
Социальные проблемы	13.1	20.0	16.9

Таблица 1 показывает, что гендерная разница в ответах является значимой. В опросе 2000г. она составляла от 7% по социальным проблемам до 15% в проблемах морали и чуть меньше – в вопросах о духовных потребностях. Общей остается только иерархия проблем, по которым мужчинами и женщинами оценивается роль церкви и религии: на первом месте – духовные потребности, далее идут моральные проблемы, семейная жизнь и, наконец, социальные проблемы, где роль церкви признается минимальной по сравнению с другими оцениваемыми сферами.

Не вызывает удивления и тот факт, что уровень доверия к церкви выше среди женщин, чем среди мужчин. Отметим, что в опросе 2000 года из шести институтов, получивших позитивный рейтинг доверия, церковь заняла третье место [12]. Одна из причин доверия к церкви, вероятно, в том, что церковь не была напрямую связана с прежним коммунистическим режимом, и поэтому для многих людей она не запятнала себя сотрудничеством. Многие связывают с церковью надежды на обретение новой системы верований, с культурными традициями своего народа, его духовным подъемом. Тот факт, что возрождение церкви шло одновременно с переходом общества от коммунизма к плюрализму и демократии, также способствовал росту ее

авторитета в глазах простых людей. Именно поэтому, в отличие от многих других социальных институтов, церковь имеет высокий рейтинг доверия у населения (+0.24), уступая первенство системе образования (+0.42) и второе место армии (+0.245). Так, 20 % опрошенных полностью доверяют церкви, 44% – скорее доверяют, в то время как 17% скорее не доверяют, и только 9,5% – совсем не доверяют.

Больше всего население доверяет православной церкви. В 2004 г. уровень доверия православной церкви составлял 58%, причем разница между женщинами и мужчинами составляла 10% [4]. В то же время, значительно меньше опрошенных выражали доверие католической и протестантской церкви (большинство просто затруднилось с ответом, доверяют ли они этим конфессиям). В целом же, уровень доверия церкви среди белорусов оказался выше, чем в среднем по Восточной Европе.

Есть и другие гендерные различия социокультурной самоидентификации белорусов, представляющие практический интерес.

Второе гендерное различие – поколенческое. Оно менее существенно, но тоже является статистически значимым: женщины чаще мужчин (разница в ответах составила 7%) отождествляют себя со своим поколением (43% мужчин и около 50% женщин) [4]. Однако эти различия больше проявляются на эмоциональном уровне, и репрезентируются показателями гендерного сознания и самосознания, а не гендерного поведения. Судя по данным опросов, женщины и мужчины в вопросах самоидентификации часто используют иные, не гендерные критерии, тогда как возраст, образование и материальный достаток являются значимыми в большем количестве вопросов. Для лиц моложе 30 лет в самоидентификации более важна общность по образованию, по профессии, для людей старше 50 лет – религия, соседство, территориальная общность, а также упоминавшаяся ранее как «исчезающая» категория «советский народ». В России некоторые исследователи отмечают, что в поколении молодежи гендерные различия имеют тенденцию к нивелированию, что проявляется, в частности, в растущих женских амбициях в бизнесе, в стремлении занимать высокие статусные позиции в управлении, и, следовательно, в сближении показателей профессиональной, образовательной идентичности [см. 9].

В остальных вопросах, включая политические и национальные показатели, значимой гендерной разницы, подтверждаемой эмпирическими данными, не было выявлено. Можно предположить, что отсутствие значимых гендерных различий по указанным критериям – результат и современного (в основном, городского) образа жизни, и социализации и воспитания советских и постсоветского поколения, которые не знали практически иного юридически закрепленного гендерного отношения, кроме равноправного. Поэтому и женщины, и мужчины в равной мере чувствуют (или не чувствуют) себя членами семьи, сообщества друзей и соседей, а также жителями одного города, села, региона, страны, представителями одной национальности и сторонниками одних и тех же политических взглядов. Иначе говоря, указанные выше критерии больше не разделяют сообщества мужчин и женщин социокультурными барьерами. И это – историческое достижение белорусского народа и общества.

Тем не менее практически по всем дифференцирующим критериям духовно-нравственной культуры женщины проявляли несколько больше активности, чем мужчины: на 5% больше женщин чаще идентифицировали себя с людьми общих нравственных принципов, сходных читательских вкусов, на 4% - с людьми, ведущими сходный образ жизни, и т.п. [4]. В то же время в России, на базе исследований молодежи, были зафиксированы некоторые дополнительные гендерные различия: как отмечает М. Губогло: «Прекрасный пол ниже, чем сильный, ценит профессию, здоровье, патриотизм, благополучие, зато более высокую оценку дает дружбе, совести, умению веселиться, справедливости, конформизму, предприимчивости, духовности» [1, 143]. Однако,

поскольку эти результаты получены на чужих выборах, мы не можем с полной уверенностью переносить их на белорусское население. Вполне возможно, что среди белорусов (включая молодежь), указанные различия не будут выявлены.

По данным межэтнических исследований, проведенных в других странах, внутри каждого этноса имеют место свои специфические гендерные различия, связанные с культурным и историческим развитием этноса [1, 115]. Однако ввиду того, что в исследованиях, проводимых в Беларуси, преобладали этнические белорусы, пока не представляется возможным статистически подтвердить или опровергнуть подобные гендерные различия.

В заключение подчеркнем, что, поскольку гендерные проявления идентичности во многом проявляются под влиянием воспитания и образования, постольку на государственном уровне необходимо уделять достаточно много внимания их сознательному формированию, соответствующему государственной национальной идеологии. Государство должно заботиться как о предоставлении обоим полам равных социальных возможностей в развитии и самореализации личности, всех видов социокультурной идентичности, так и о поддержании жизнеспособности и нормального развития семейной идентичности.

Литература

1. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003.
2. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России // Геополитическое положение России. М., 1999.
3. Йоас Х. Креативность действия. СПб., 2005.
4. Мониторинг социально-политического состояния белорусского общества. Мн., 2005.
5. Национальная идентичность Беларуси: материалы семинара / Общ. ред. Г. Курт; Фонд им. Ф. Эберта. Мн., 2004.
6. Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Мн., 2001.
7. Пушкарева Н.Л. Русская женщина. Прошлое и современность. М., 2001.
8. Рудкоўскі П. Ад ідэнтычнасці да саборнасці // ARCHE. 2006. № 1-2.
9. Семья, гендер, культура / Отв. ред. В.А.Тишков. М., 1997.
10. Теннис Ф. Общность и общество // Теоретическая социология. Антология. /Под общ. ред. С.П. Беньковской. Ч.1. М., 2002.
11. Титаренко Л.Г. Гендерная социология. Мн., 2003.
12. Титаренко Л.Г. Тенденции изменения идентичности и базовых ценностей белорусов // Восточноевропейские исследования. 2005. № 2.
13. Giddens A. Nowoczesność i tożsamość. «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności. Warszawa, 2001.

СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С.Т.Кавецкий

Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина
г. Брест, Беларусь

Социально-экономические изменения, проходящие в Беларуси в конце XX – XXI века, влияют на характеристику социальной структуры. Социальная структура современного белорусского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на